

Поправляя то и дело сползающие на переносицу очки, Се Нань лениво прокручивал колесико мыши. Нахмурившись, он просматривал комментарии под своей новой главой. Писатель-фантаст, работающий на популярных сетевых платформах, он прошел долгий путь — от «зеленого» новичка, только-только выпустившегося из университета, до популярного автора со своей верной аудиторией. Его книги никогда не отличались любовными интригами; Се Нань предпочитал делать упор на личностном росте героя и преодолении трудностей. Читатели ценили этот подход, ведь приторные гаремные истории уже набили всем оскомину.

Однако со временем полное отсутствие романтики некоторым поклонникам показалось пресным. Вот и сейчас под свежей главой висел вопрос: а не заядлый ли холостяк наш автор? Не потому ли в его книгах нет любви, что он сам никогда не любил и просто не знает, как об этом писать?

Прочитав это, Се Нань со вздохом откинулся на спинку кресла. Отрицать очевидное смысла не было: он действительно никогда не встречался с девушками. Редкие попытки изобразить чувства на бумаге выходили блеклыми и безжизненными, точно дистиллированная вода. Конечно, он мог бы попросту проигнорировать эти замечания и писать как раньше. Но Се Нань привык подходить к делу серьезно. Пусть он создавал лишь развлекательное чтиво, ему хотелось вкладывать в свои тексты живые человеческие души и искренность, а не просто штамповать главы ради легких денег.

Сейчас перед ним встала нешуточная дилемма: как оживить любовную линию? Самый очевидный и действенный способ решить такую проблему — влюбиться самому. Но Се Нань целыми днями просиживал дома за клавиатурой. Знакомых девушек у него не водилось, так что и крутить роман было решительно не с кем.

«Похоже, придется идти на свидание вслепую», — поразмыслив, решил он.

В день встречи Се Нань постарался на славу. Специально купил приличный синий западный костюм. Ростом он обделен не был — честные метр восемьдесят, а из-за затворнического образа жизни кожа его оставалась благородно-бледной. Накануне он заглянул в парикмахерскую, освежил стрижку и перед самым выходом брызнул на запястья каплю хорошего одеколона. В зеркале отразился весьма неглупый и привлекательный молодой человек.

Опаздывать на первое свидание не следовало, поэтому Се Нань вышел заранее. Родители, проводив сына взглядом, переглянулись с явным облегчением: раз парень так тщательно готовился, значит, на этот раз все точно сладится.

Тишину квартиры нарушил резкий телефонный звонок. Матушка Се Наня сняла трубку.

— Алло?

Улыбка мгновенно сошла с ее лица, уступив место тревоге и недоумению.

— Что вы говорите?.. Девушка прождала два часа, а Се Нань так и не появился? И телефон у него недоступен?

Сваха на том конце провода так и сыпала упреками:

— Вот именно! Скажи мне на милость, дорогая, твой сын вообще собирался на свидание? Или вы его силой заставили, и он решил таким образом выкинуть фортель?

— Нет-нет, что вы, это исключено! — поспешила оправдаться женщина. — Се Нань сам попросил устроить эту встречу. Он очень хотел пойти... Наверное, в дороге что-то случилось. Пожалуйста, не сердитесь, я сейчас же попробую до него дозвониться и все разузнаю.

— Ну ладно, звони. Только учти, девочка уже ушла. Она два часа просидела, от злости аж вся так и кипела!

Мать еще долго рассыпалась в извинениях, а едва повесив трубку, дрожащими пальцами набрала номер сына. Однако в трубке раздавались лишь долгие, безответные гудки...

В ноябре-декабре на юге установилась промозглая, сырая стужа. Мелкий дождь бесконечной серой вуалью моросил несколько дней кряду. Но по мостовым, невзирая на непогоду, вовсю мчались рикши — до Нового года оставалось совсем немного, и каждому хотелось заработать лишнюю монету, чтобы встретить праздник в сытости и тепле.

Узкие, вымощенные сизым камнем улочки и переулки извивались причудливыми лабиринтами. Рикши сновали по ним день и ночь; не было в этих краях людей, знавших богатый и цветущий Цзяньнань лучше них. И именно в их кругу в последние дни только и разговоров было, что об одной ошеломительной новости.

— Слыхали? Молодой господин Лу женится!

Его товарищ, на бегу сдернув с плеча засаленное полотенце, стер со лба капли испарины.

— Лу? Тот самый Лу? Из богатейшей Семьи Лу в Цзяньнани?

— А из какого же еще! Будто у нас тут есть другие Лу, способные с ними сравниться!

— И то верно. Старший молодой господин Лу — видный мужчина, к тому же за границей учился. Если бы не те слухи, давно бы уже обзавелся семьей.

— Да уж. Вчера я как раз вез одного купца к Семье Лу, так своими глазами видел, как слуги на воротах иероглифы «Двойное счастье» расклеивали!

— Ха-ха, ну, в день свадьбы надо будет обязательно заглянуть к их дверям, вдруг и нам какая кроха праздничной радости перепадет...

— Я бы на вашем месте не спешил радоваться, — вмешался в разговор третий рикша, сплюнув под ноги. — Как бы вместо благословения не навлечь на себя беду.

Заметив недоуменные взгляды товарищей, он понизил голос и заговорщически продолжил:

— Неужто до вас слухи не дошли? Старший молодой господин Лу женщин на дух не переносит. Ему мужчины милее. Вот старой госпоже Лу и пришлось от безысходности подыскать ему мужа-невестку.

— Что?! — в один голос выдохнули мужчины.

На мгновение воцарилось ошеломленное молчание. Богатейшая Семья Лу в Цзяньнани берет в дом мужчину вместо невестки? В такое верилось с трудностями.

А дождь все шел, уныло барабанил по черепичным крышам. Внезапно небо раскололось оглушительным раскатом грома, и серая морось в один миг превратилась в яростный ливень. Тяжелые, размером с горошину капли застучали по раскисшей земле.

На краю пустынного поля за деревней из грязи медленно поднимался человек. Се Нань покачивался, ноги его не слушались, а в голове шумело, словно после тяжелого удара. Он с трудом поднял руку. Холодные струи больно секли его ладонь, стекая сквозь растопыренные пальцы мутными ручейками.

«Где я... Что это за место?»

Мысли ворочались лениво, неохотно, но пронизывающий до костей холод заставил его содрогнуться. Се Нань плотно обхватил себя руками и, спотыкаясь, побрел вперед.

Он не знал, куда идет. Промокшие насквозь кожаные туфли тонули в вязкой жиже, дождь заливал глаза, заставляя щуриться.

Спустя вечность сознание начало понемногу проясняться. В памяти всплыли обрывки недавних событий: он ведь собирался на свидание. И костюм этот синий надел специально ради встречи... Но как он очутился здесь? Ах да. Он шел по улице, наступил на чугунный люк,

который оказался неплотно закрыт. Нога скользнула в пустоту, он полетел вниз, в темноту ливневого колодца, а дальше...

Дальше была лишь пустота.

А теперь он очнулся на ледяной раскисшей дороге, окруженный незнакомыми полями под чужим, суровым небом. Это был совершенно чужой мир.

«Неужели я переместился в другое тело? Или просто перенесся в прошлое? Нет, этого не может быть... Дома остались отец и мать, кто о них позаботится? И роман... книга ведь не закончена! Столько всего держит меня там...»

Силы быстро покидали его. Ноги налились свинцом, веки потяжелели, а мир перед глазами сузился до размеров грязного пятна под ногами. Сделав еще один неверный шаг, Се Нань покачнулся и рухнул в дорожную грязь, окончательно лишаясь чувств.

— Не пойду! — горячо воскликнул юноша. — Я мужчина! Как я могу выйти замуж за другого мужчину? Как мне после такого позора людям в глаза смотреть?!

— Сынок... но твой отец-пропойца уже взял у Семьи Лу задаток. Целую сотню больших океанских серебряных долларов! — раздался тихий, полный слез женский голос.

— Матушка! — Сяо Лушань, одетый в потрепанную холщовую куртку на вате, резко обернулся. Его лицо, еще совсем молодое, было искажено глубокой, не по годам тяжелой кручиной. — Неужели вам не жаль меня? Я ведь мужчина! Неужели вы хотите, чтобы я сгнил за высокими стенами Семьи Лу, лишившись всякой свободы? Матушка, неужели вы смиритесь с тем, что на мне прервется род Сяо?!

— Сынок, да разве ж я этого хочу? — Крестьянка горько заплакала. — Разве материнское сердце не болит? Но что мы можем сделать против его воли?..

— Мама! Давай... давай убежим! Да, именно, бежим отсюда! Уйдем далеко-далеко, покинем Цзяньнань, обоснуемся в других краях. Тогда им ни за что меня не достать! — Сяо Лушань ухватился за эту мысль как за спасительную соломинку.

— А как же... твой отец? — Матушка Сяо вцепилась в рукав сына, бледная, совершенно растерянная.

— Ему ни слова говорить нельзя, иначе нам вовек отсюда не вырваться.

— Но, сынок...

Другого выхода у них действительно не было.

— Если уходить, то прямо сейчас, — решительно отрезал юноша. — Вернется отец — будет поздно.

Наспех собрав скудные пожитки в узелок, мать и сын шагнули под проливной дождь и без оглядки покинули родную лачугу.

Тяжело дыша, Сяо Лушань упрямо шагал вперед. Одной рукой он удерживал старый зонт, другой бережно поддерживал мать. Дорогу размывало, ноги скользили в грязи, но беглецы не смели сбавлять шаг.

— Сынок, погляди-ка... Там вроде человек лежит? — нерешительно произнесла женщина, указывая рукой куда-то вперед.

— Матушка, ну кто станет лежать на дороге в такую стужу да под ливнем? Померещилось вам, идем скорее, — ответил Сяо Лушань. Однако он все же бросил мимолетный взгляд на обочину и замер.

Там действительно кто-то лежал.

Пришлось остановиться.

— И правда человек, мама!

Сяо Лушань опасливо оглянулся на пустую дорогу. Убедившись, что погони нет, он опустился на колени перед лежащим без чувств незнакомцем. Протянув руку, юноша коснулся шеи мужчины: пульс был слабым, но ровным. Живой. Сяо Лушань облегченно выдохнул, но тут же нахмурился — тело несчастного было ледяным. Если оставить его здесь под проливным дождем, он долго не протянет.

В душе молодого человека поднялась мучительная борьба. Что делать? Бежать дальше или спасать умирающего?

— Сынок, давай заберем его, — тихо попросила матушка Сяо.

— Но, мама... Если мы вернемся, я...

Женщина со слезами на глазах кивнула:

— Я знаю, знаю. Вернешься — и сбежать уже не сможешь. Но ведь это живая душа, сынок, нельзя его здесь бросать на лютую смерть. Вернемся, а там что-нибудь придумаем. Может, бог смилуется...

Сяо Лушань был в полном отчаянии. Он понимал правоту матери, но знал и другое: возвращение лишит его последнего шанса на спасение. К этому часу отец наверняка уже вернулся домой. Обнаружив их исчезновение, этот старый пьяница сразу поймет, что они пытались сбежать. Возвращаться сейчас — все равно что добровольно лезть в петлю.

И все же, сжав зубы, юноша принял решение. Он взвалил обмякшее тело незнакомца себе на плечи.

— Ладно, мама. Возвращаемся.

Сяо Чэнли был самым известным пропойцей и завзятым картежником в деревне Шанхэ. Ленивый, жестокий и бездушный, он не ставил ни в грош чужие жизни. Собственные жена и сын для него были не более чем разменной монетой, товаром, который можно выгодно сбыть ради очередной ставки в игорном доме.

Выдать единственного сына замуж за мужчину — до такого бесстыдства во всей округе мог додуматься только он. Соседи за глаза плевали ему в спину, но Сяо Чэнли лишь презрительно ухмылялся, пересчитывая заветную сотню больших океанских серебряных долларов. На эти деньги он пил и ел всласть, практически не покидая притоны.

Свадьбу назначили месяц назад, и срок уже поджимал — до торжественного дня оставалось всего трое суток. При мысли о том, какое богатое приданое придет в их лачугу Семья Лу, Сяо Чэнли довольно потирал руки. Уж теперь-то он разгуляется на славу!

Однако, переступив порог дома, он не обнаружил ни жены, ни сына. Он мгновенно помрачнел от злости. Распахнув хлипкий шкаф, он увидел, что их и без того скудные пожитки исчезли. Сообразив, что покорная семейка решила дать деру, Сяо Чэнли пришел в ярость.

Но не успел он выбежать на улицу, чтобы начать поиски, как беглецы сами показались во дворе, да еще и волокли на себе какого-то чужака.

— Ах вы, паршивцы! Сбежать вздумали?! — взревел Сяо Чэнли, хватая стоявшую у стены метлу. — Я вам устрою побег! Живого места на вас не оставлю!

Замахнувшись метлой, он подскочил к жене, но Сяо Лушань, успевший уложить спасенного на колченогую кровать, преградил ему дорогу. Перехватив на лету древко метлы, юноша стиснул зубы, он смотрел с яростью:

— Отец! Если ты хоть пальцем тронешь мать, клянусь, я забуду, что во мне течет твоя кровь!

— Ишь ты, заговорил! — издевательски хохотнул Сяо Чэнли, пытаясь вырвать метлу. — Оперение, значит, отросло? На отца руку поднимать вздумал, щенок?! Думал, сбежишь от меня? Испугался и приполз обратно? Заруби себе на носу: через три дня ты пойдешь под венец, хочешь того или нет. А я эти три дня с тебя глаз не спущу!

— Ты лучше не зли меня, — процедил сквозь зубы Сяо Лушань. — Иначе я наложу на себя руки. Думаешь, мертвец пригодится Семье Лу? С мертвым зятем твоих денежек тебе не видать как своих ушей!

Матушка Сяо, глядя на эту яростную стычку между мужем и сыном, лишь беззвучно плакала, зажимая рот ладонью. Вся ее жизнь была беспросветной чередой страданий. С самого детства, когда ее за мешок риса отдали в жены этому тирану, она не знала ничего, кроме побоев и унижений. Годы тяжелого труда и вечного страха стерли в ее душе любые надежды на счастье. Единственное, чего ей хотелось теперь, — это хоть немного покоя.

— Ты!.. — Сяо Чэнли замахнулся было кулаком, но угроза сына возымела действие.

Если этот паршивец действительно решит свести счеты с жизнью, Семья Лу не только не отдаст оставшуюся часть выкупа, но и этот задаток потребуют вернуть. Да еще и шкуру спустят за сорванную свадьбу. Подавив злобу, Сяо Чэнли швырнул метлу на пол и сплюнул:

— Ладно. Живи пока, сволочь.

Он шумно вывалился из дома, хлопнув дверью так, что задрожали дряхлые косяки.

Как только шаги отца затихли, напряжение в комнате спало, оставив после себя лишь глухое отчаяние и дрожь во всем теле. Матушка Сяо бессильно опустилась на лавку и горько вздохнула:

— За какие же грехи нам это наказание...

Сяо Лушань ничего не ответил. Он молча прошел в каморку и склонился над постелью незнакомца.

Се Наня лихорадило. Он метался в беспамятстве, силясь открыть глаза и разглядеть, где находится, но тяжелый жар сковал тело, лишая последних сил. Сознание вновь угасло, унося его в бездонную темноту.

В нищей избе Сяо не было денег на лекаря или хотя бы на простые травы. Все эти дни Сяо Лушань неотлучно дежурил у постели больного, обтирая его лицо мокрой тряпицей. Лишь к утру третьего дня жар наконец начал спадать.

И именно на этот день была назначена свадьба.

Накануне от Семьи Лу прислали роскошный свадебный наряд из алого шелка. Ни Сяо Лушань, ни его мать за всю свою жизнь не держали в руках столь дорогой ткани. Впрочем, сейчас им было не до этого.

— Сынок... Кажется, они уже едут. Слышишь? — тихо проговорила мать, прислушиваясь к звукам снаружи.

Сяо Лушань до боли сжал кулаки. Сквозь шум дождя до него отчетливо долетали задорные звуки праздничных труб и дробь барабанов. Веселый гомон соседей и призывный голос свахи у ворот не оставляли сомнений — за ним пришли. Время вышло.

— Матушка, я не могу... не могу пойти на это... — Сяо Лушань упал на колени перед матерью, уткнувшись лицом в подол ее платья, и зарыдал.

Материнское сердце обливалось кровью при виде мук единственного сына. Она со слезами посмотрела на окно, у которого на узком топчане все еще лежал спасенный ими мужчина. Его лицо, бледное и осунувшееся, теперь казалось спокойным и умиротворенным.

— Сынок, — прошептала женщина, и в ее глазах блеснул отчаянный огонек. — Если ты так сильно не хочешь идти... у меня есть идея.

Она подошла к постели Се Наня, который все еще находился в глубоком беспамятстве.

— Ты спас ему жизнь. Пускай теперь он оплатит тебе за добро. Пусть он займет твое место и войдет в Семью Лу вместо тебя.

Сяо Лушань медленно поднял голову. Словно замороженный, он поднялся с колен и уставился на спящего чужака.